

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 83–97.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 83–97.

Научная статья / Original article

УДК 140.8

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-83-97

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ФОРМА «ЖИЗНЕМЫСЛИ» В ФИЛОСОФИИ ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА

Дарья Павловна Козолупенко

Философский факультет

Московского государственного

университета имени М. В. Ломоносова,

Москва, Россия, petrovich.tr@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-5363-323X>

Аннотация. Статья посвящена изучению своеобразия исследовательского подхода Георгия Дмитриевича Гачева. Автор рассматривает метод «привлеченного мышления» и концепт «жизнемысли» в его философии. Вводится предположение о том, что по ряду параметров философская позиция Гачева перекликается с мифопоэтическим мировосприятием, и в особенности — с характерным для него принципом «участного внимания». Как одна из форм «жизнемысли» отдельно разбирается понимание земледелия, рассматриваемого в данной традиции не только и не столько как тип хозяйствования, сколько как определенная метафизическая идея. Выводы Гачева относительно сущности земледелия как формы «жизнемысли» подкрепляются свидетельствами и доводами из работ специалистов, изучающих особенности мировосприятия и

социального строя мифопоэтических земледельческих обществ (Б. Дэвидсона, А. Л. Топоркова, М. Элиаде). В заключение работы проводятся параллели между ролью одной из центральных «жизнемыслей» Гачева в общем контексте его жизни и выработанной им концепцией межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Георгий Гачев, метод «привлеченного мышления», мифопоэтическое мировосприятие

Ссылка для цитирования: Козолупенко Д. П. Земледелие как форма «жизнемысли» в философии Георгия Гачева // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 83–97. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-83-97.

Remembering Georgy Dmitrievich Gachev

AGRICULTURE AS A FORM OF “LIFE-THINKING”
IN GEORY GACHEV’S PHILOSOPHY

Daria P. Kozolupenko

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, petrovich.tr@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5363-323X>

Abstract. The article discusses a Georgy Gachev’s original research approach. The author examines the method of “engaged thinking” and the concept of “life-thinking” in the philosophy of Georgy Gachev. The assumption is introduced that, in a number of parameters, Gachev’s philosophical position correlates to the mythopoetic apprehension of the world. In particular it correlates to the principle of “participatory attention.” As one of the forms of “life-thinking,” is separately analyzed the understanding of agriculture, which is considered in this tradition not only and not so much as a type of farming, but also as a certain metaphysical idea. Gachev’s conclusions regarding the essence of agriculture as a form of “life-thinking” are supported by evidence and arguments from the works of specialists studying the peculiarities of the worldview and social structure of mythopoetic agricultural societies (B. Davidson, A. L. Toporkov, M. Eliade). The author draws parallels between the role of one of the central “life thoughts” of Gachev in the general context of his life and the concept of intercultural communication developed by him.

Keywords: Georgy Gachev, the “attracted thinking” method, mythopoetic apprehension of the world

For citation: Kozolupenko, D. P. (2025) “Agriculture as a Form of ‘Life-thinking’ in Georgy Gachev’s Philosophy,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 83–97. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-83-97.

Феномен Георгия Дмитриевича Гачева, вызывающий восхищение у тех, кто непосредственно сталкивается с его текстами, и еще более у тех, кто имел счастье знать лично их автора, на удивление мало изучен в современной философской среде. С одной стороны, вышло более пятидесяти его книг, которые затрагивают различные аспекты социальной философии, философии культуры, философской антропологии, проблемы межкультурной коммуникации, становления личной и национальной идентичности, формирования образов мира и др. Регулярно проводятся Гачевские чтения, собирающие представителей различных дисциплин из разных уголков России и из других стран. В воспоминаниях друзья и коллеги говорят о нем в самых восторженных, уважительных и даже изумленных тонах. Они отмечают, что Георгий Дмитриевич Гачев — «земледелец, рыхлитель, переворачиватель пластов и в мысли, и в языке, работник в их недрах» [Литературная газета, 2007], «гений БЛАГОдарения» [Зейферт, 2009], бывший «одним из самых оригинальных умов нашего времени» и обладавший «редким даром философствовать вживую» [Сараскина]. Ему посвящают стихи И. Волгин, В. Берестов, Л. Латынин.

С другой стороны, собственно академических статей, посвященных анализу его творчества, совсем немного, а исследований строго философских (не литературоведческих, связанных с проблемами языкознания или сравнительной культурологии) — и того меньше.

Возможно, частично данная ситуация объясняется тем, что наследие Георгия Гачева выходит далеко за рамки отдельных дисциплин и потому плохо вписывается в академическую среду с ее привычной дисциплинарно дифференцированной сеткой. Не случайно давний и хороший друг Гачева (первый и лучший, по выражению самого философа) Сергей Бочаров вспоминает, как «в 1973-м, он послал Ю. М. Лотману в Тарту статью о космосе Достоевского на предмет публикации в их знаменитых “Семиотиках”. Лотман ответил отказом, но в обоснование подсластил пилюлю и спросил про работу: “Она, бесспорно, очень значительное явление. Но вот чего?”» [Вертикаль жизни и мысли, 2007]. Чуть позднее мы попробуем ответить на этот вопрос. Но прежде подчеркнем,

что такая дисциплинарная неопределенность гачевского наследия имеет не только отмеченные минусы, но и гораздо более существенные содержательные и методологические плюсы, поскольку затрагивает не одну или две, а множество различных дисциплин, объединяя их между собой и заставляя звучать голоса говорящих и пишущих о нем в едином оркестре.

В этом смысле традиция междисциплинарности, характерная для любых посвященных мыслителю конференций и собраний трудов, следует гачевской же концепции межкультурности, в которой метафора «большого симфонического оркестра» [Гачев, 2007], как и тема «возлюбленной непохожести» [Гачев, 2008], была одной из центральных. В оркестре отличия отдельных инструментов и их голосов очевидны, но все они слагают единую мелодию, дополняя друг друга, иногда отступая слегка на задний план, временами исполняя сольную партию, переплетаясь, вторя и оттеняя, а в конечном итоге — стремясь «питать друг друга смыслами» [Гачев, 2007, с. 423]. В силу этого принципа дополнительности и согласной непохожести разные культуры, разные позиции, разные оптики в совокупности позволяют человеку «взвидеть мир» [Гачев, 2008], «взвидеть диво» [Гачев, 2001, с. 31–32] и услышать целое.

В то же время — хотя у каждого инструмента свой голос и своя партия, и именно этим он и ценен — «о-пределить» голос самого Г. Гачева, то есть охарактеризовать его, приписав однозначно к той или иной дисциплине и даже к тому или иному направлению человеческой деятельности, не так-то просто. Кто он: писатель, ученый (филолог, культуролог), философ?

Конечно, писатель. Особенно если согласиться с тем, что «единственная цель литературы — заклинать вещи» [Mallarmé, 1945, p. 869], и вспомнить не только говорящее название одной из книг Гачева: «Вещают вещи. Мыслят образы» [Гачев, 2000], но и саму его манеру письма, его стиль — художественный, литературный, в высшей степени образный и метафоричный, заражающий своей эмоциональностью. Это ли не характеристика настоящего писателя? Не случайно его работы не вызывают у учеников скуку на лицах. Кажется, будто про него писал Стефан Малларме, говоря о чуде транспозиции, о перенесении в слово несловесного, благодаря которому он «завершает это обособление речи — из многих вокабул заново творя целостный, новый, чуждый языку и будто заклинанием звучащий глагол {...} и через него удивляетесь вы обыкновенному сочетанию произнесенных слов, как прежде не слышали его никогда, и сама отсылка к названному предмету окутывается, одновременно, новой какой-то атмосферой» [Малларме, 1998, с. 589].

Конечно, ученый. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, широко известный своими исследовани-

ями в области сравнительной культурологии. Чуткий к языку, скрупулезный в деталях, поставивший себе целью провести фундаментальнейшее исследование в области не только гуманитарных, но и естественных наук¹ и проводивший его более четверти века. Но наука понимается им не стандартно: «...не только как сумма идей, опытов, знаний, но и как научная литература, а каждое научное сочинение рассматривается не только как изложение определенных взглядов на явление природы, но и как текст на естественном языке, где образ и стиль имеют фундаментально-определяющее значение для воссоздаваемой картины мира и построений теории» [Гачев, 1992, с. 4]. Ученый в таком случае всегда одновременно и писатель — и иное Гачевым не предполагается.

Конечно, философ. Не случайно Гачев в ответе рецензентам на свою рукопись замечает, что он занимается проблемой, о которой «писали не ученые, а философы и идеологи, мыслители: Платон, Вико, Гердер, Гегель, Вундт, Шпенглер, Данилевский, Юнг и др. — и их подходы продумывались мною, пока я вырабатывал свою концепцию и методику анализа» [Гачев, 1992, с. 311]. Не случайно И. А. Акчурин в отзыве на одну из рукописей Гачева утверждает, что «во всей мировой литературе сейчас можно назвать только две работы в этой области аналогичной глубины и содержания — книгу Гейзенберга “Часть и целое” и последние публикации М. Фуко» [Гачев, 1992, с. 305].

В воспоминаниях современников о Георгии Гачеве «набегают на ум» [Визгин, 2010, с. 103] имена писателей и философов совершенно разноплановых, но равно чутких к слову, одержимых образом и образным мышлением и умеющих тонко чувствовать природу и каждый по-своему воспевать ее: Василий Розанов, Михаил Пришвин, Гастон Башляр. Неоднократно всплывают в трудах Гачева, отзывах на его работы и воспоминаниях современников имена Платона, Декарта, Гегеля. Можно сравнить его подход и с сартровским биографическим методом, в котором понятие фундаментального проекта строится таким образом, что собственный фундаментальный проект человек может постичь, лишь обращаясь к чужим фундаментальным проектам и узнавая себя в отличии от них и одновременно в резонансе с ними.

Впрочем, о *методе* Георгия Гачева следует сказать особо. Одним из основных методов и жанров, в которых, по собственным его словам, он работал, был метод «привлеченного мышления» или же «жизнемысли» [Гачев, 1992, с. 16]. Обосновывая этот метод и противопоставляя его характерному для науки этикету безличного мышления, Гачев замечал, что «привлеченно мыслящий ум пишет как бы вглубь, внутрь, пытаясь понять-воживить по-своему то, что

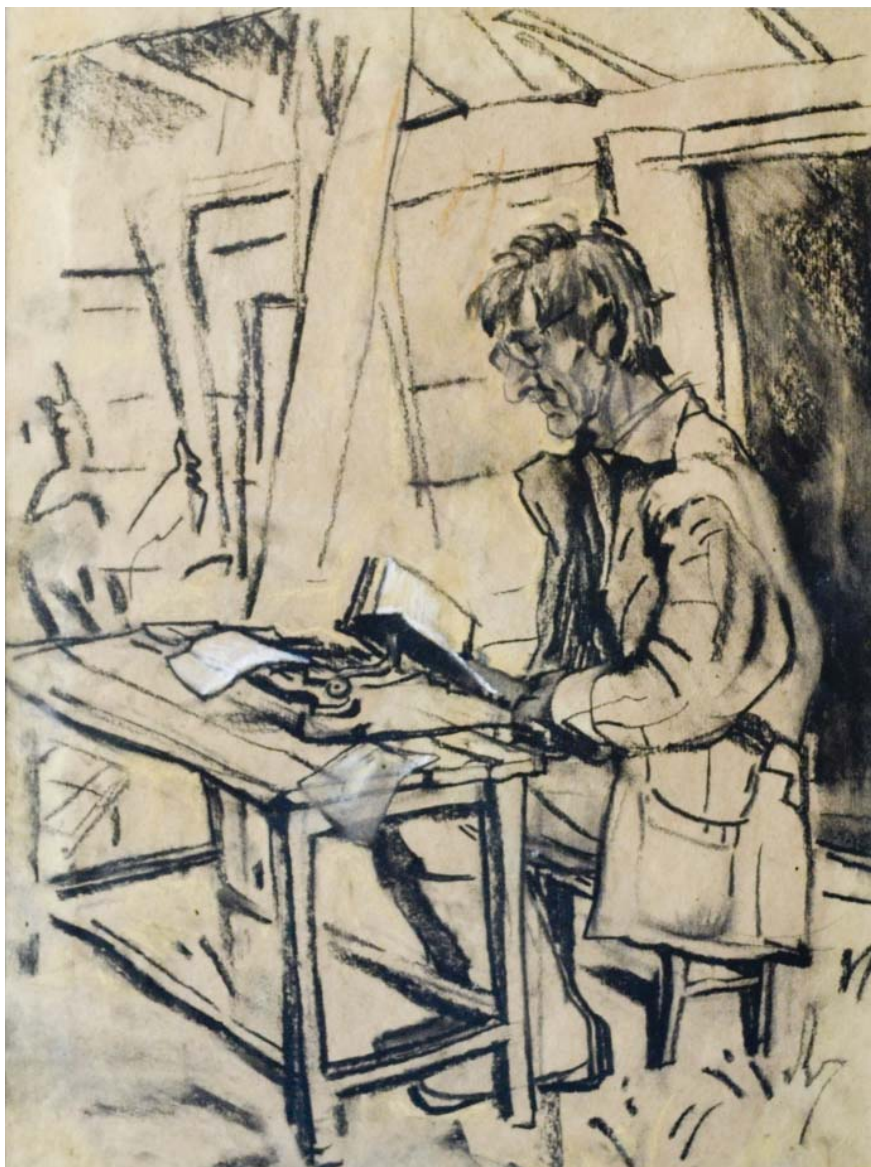
¹ Имеется в виду работа «Наука и национальные культуры».

дано в виде готового отчужденно-безличного знания» [Гачев, 1992, с. 16–17], в соответствии со всей своей «траекторией жизни, складом ума и характером» [Гачев, 1992, с. 16]. Его мысль не является безличной, а рассматриваемое им бытие не существует независимо от него где-то рядом с ним или вовсе в параллельной его душевным переживаниям реальности и не фиксируется им бесстрастно, «подобно тому как моряк видит поломки на судне» [Декарт, 1994, с. 65] и фиксирует их, не испытывая при этом ни боли, ни иных чувств, которые вызывали бы эти поломки, если бы он образовывал с данным судном «некое единство» [Декарт, 1994, с. 65]. Гачев же, напротив, предлагает такое мышление, как если бы он в самом деле образовывал «некое единство» с изучаемым предметом — мышление в высшей степени участное, вовлеченное, кровно заинтересованное. В другой своей работе он пишет: «...жизнемысли — это не мысли о жизни. Это — мысли из жизни: из её случаев возникающие и от неё отлетающие, так сказать, “во импиреи”. Жизнь тут — служанка мысли. Но и обратное будет столь же верно. (...) мысль по ходу жизни и как участник в ней» [Гачев, 2000, с. 398–399].

Во многом такое отношение к миру и специфическое для Гачева понимание связи мысли, мыслящего и того, что эту мысль порождает, родственно мифопоэтическому мировосприятию, в котором одним из основных законов является «закон участного внимания» [Козолупенко, 2009]. И участие, и внимание — слова для Георгия Дмитриевича Гачева далеко не пустые, определяющие саму методологию его исследования. В своей «исповести»² «Жизнь с мыслью» он замечает: «ВДУМЧИВОСТЬ — так бы я обозначил свое дело и жанр. Тут — приход Слова в меня, а не выход меня через слово — к читателю в качестве “писателя”. Слово ведь — не просто транзистор-передатчик мыслей и образов, во мне возникших, в беседе с другим человеком — “читателем” — другом. Нет, оно само — Друг и кормилец, обитель Культуры, ее дыхание; опускаясь в тебя, как зонд мирового сознания, в темноту внутренней жизни твоей души, оно высветляет, чистит там закоулки, saniрует» [Гачев, 1995, с. 3], просветляет и проясняет тебя для тебя же самого. В отличие от многих своих современников, ставящих мысль над бытием, а человека (и в том числе лично себя, мыслящего) — над миром, Гачев неизменно подчеркивал, что он — всего лишь сосуд и проводник для мысли, обнимающей и формирующей его самого, воплощение для этой мысли.

Благодаря мысли он, по его собственным словам, «выталкивался из потока текущего Времени и его злободневности — во внемирность и вневремен-

² Жанр, придуманный самим Гачевым, к которому он отнес указанную работу.

Л. Г. Гачева. Георгий Гачев за работой у сарая в деревне Новоселки.
Картон, уголь, 1991. Архив семьи Гачевых

ность» [Гачев, 1995, с. 491]. Однако, оказывался при этом не в каком-то потустороннем и сверхчувственном мире, но в самой сердцевине бытия, ибо, подобно Я. Э. Голосовкеру, он никогда и никого не призывал «жить на небесах» [Голосовкер, 1987, с. 114], то есть отрывать мысль от жизни. Напротив, наибольший интерес для него представляло исследование того, «как соединяются (согласуются и расходятся) быт, душа, ум, повседневные заботы, переживания — и как из всего этого складывается единое многоголосое течение человеческой жизни» [Гачев, 2006, с. 14], и как эта жизнь, в свою очередь, сказывается в мысли. Представление о том, что жизнь и мысль связаны друг с другом, резонируя, противоборствуя и порождая различные формы, пронизывает все его творчество. «Жизнемысль», как пояснял сам Гачев, есть одновременно «и способ су-

ществования, гигиена-диета каждого дня» [Гачев, 2000, с. 400], помогающая этот и последующие дни прожить, и акт узнавания, совершающийся в ней, поскольку мышление участвует в жизни «без отрыва от производства жизни, не заочно к ней» [Гачев, 2000, с. 399] и потому оказывается по отношению к ней не отвлеченным, но включенным мышлением.

Одной из «жизнемыслей» выступала мысль о земледелии, которое Гачев понимал не просто как тип хозяйства, но как особое восприятие мира и отношение к нему, особый вид взаимодействия. «Сама эта идея — земледелие — грандиозное метафизическое сцепление» [Гачев, 2000, с. 373], — пишет он. И действительно, исследования типов мировосприятия и типов хозяйствования показывают,

что земледелие — это больше, чем один из «природных»³ типов хозяйства. Это именно метафизическая идея, предполагающая связку с совершенно определенным типом мировосприятия, направленным на привязанность человека к миру, взаимную заботу и взаимную зависимость, а не господство, управление и использование, как это происходит при индустриальном типе хозяйства. Не случайно в словаре Гачева появляется такое слово, как «природина» [Гачев, 2000, с. 478], в котором соединяются «род», «родина» и «природа» и где отношения природы и культуры трактуются таким образом, что «культура есть любовь народа к природе своей в супружестве истории» [Гачев, 2000, с. 478], а «природа же ему — и мать, и жена, и дитя — родимое, возвращаемое и воспитываемое» [Гачев, 2000, с. 478].

Такое понимание единства человека, его культуры и природного мира, в котором он обитает, характерно в наибольшей мере для земледельческих на-

Обложка книги Георгия Гачева
«Жизнь с Мыслью» (1995)

³ В данное понятие входит как сельское хозяйство, традиционно противопоставляемое городскому и связанное с сохранением мифопоэтического мировосприятия в фольклоре, так и охото-собирательное, связанное с «исконными» или «первичными» мифами и предшествовавшее обоим типам хозяйства — и городскому, ремесленному, и сельскому, земледельческому.

Дом Г. Д. Гачева в деревне Новоселки. 2001

родов. При развитии техники же и уходе от земледелия, как замечает в своих исследованиях Гачев, человек постепенно разрывает эту триединую связь. Он «как бы распрямляется, отделяя себя от земли, поворачиваясь к миру и дальше — к небу, демонстрируя себя (откуда и возникает эта направленность на Я в аналитическом мировосприятии, проблемы “что я из себя представляю”, “что я хочу” и “что я могу”) — в пространстве и времени, в некотором даже противопоставлении миру — в стремлении вверх» [Козолупенко, 2009, с. 240]. Забывая об изначальном своем единстве со своей «природой» в целом и в частности с землей, забывая о своей взаимной с ней зависимости.

В земледелии же человек от верха мира и пространства отвернут, изогнут колесом — в пружину себя собрал, чтоб силу, из земли в меня через рост мой по ногам некогда перетекшую, передом — руками в нее же вонзить. Здесь площадь соприкосновения уменьшается: ибо от меня, малого, надо на Землю, большую, обратно воздействовать...

[Гачев, 2000, с. 377–378]

Не случайно мысль о собственной незаменимости сливается с мыслью о своей же незначительности — и потому вместо стремления вверх присутствует стремление к соприкосновению, проникновению и соучастию — для мифопоэтического типа мировосприятия вполне естественное и понятное.

Не случайно земледелие у некоторых народностей — «основа нравственного здоровья народа» [Гачев, 2000, с. 376], понимаемая не только как дерзание, но и как смирение. «В этом подвиг, от человека ожидающийся: не мешать собою, своим тупым движением, а вслушиваться» [Гачев, 2000, с. 376]. Чрезмерная активность несет в себе такую же угрозу идеальному равновесию, как и невыполнение своих обязательств. А потому и то, и другое — и неукоснительное следование принципу «ответственного поступка», и постоянное ограничение собственной активности, «невыпячивание себя» — является обязательным условием сохранения идеального равновесия и одним из оснований мифопоэтического мировосприятия, определенным образом выражающимся в специфике «природных» типов хозяйств, этому мировосприятию неизменно сопутствующих [Козолупенко, 2009, с. 237–266]. «Земледелие — согбение,

Георгий Гачев в деревне Новоселки. 2001

поклон, поза молитвы, преклонение вертикали человеческой гордыни: задранный нос опущен книзу и замкнута фигура в полукруг, в колесо: не грудь колесом, а спина горбом... При земледелии взгляд уставлен вниз, на борозду, в землю, в прах, откуда я и куда возвращуся. Это — школа смирения, т. е. бытия с миром в душе» [Гачев, 2000, с. 377]. Такой же школой смирения является и охото-собирательное хозяйство, при котором большинство ритуалов направлены на прошение и очищение, требующиеся вследствие необходимого нарушения природного баланса (что особенно существенно при охоте, ибо охота — это все-таки убийство, то есть самый серьезный для мифопоэтического мировосприятия грех из всех возможных, самая сильная угроза равновесию; потому и сообщество охотников живет максимально изолировано, и очистительных ритуалов и вообще ритуалов у них больше, чем у кого бы то ни было⁴). Присвоение части мира, пусть и необходимое для продления собственной жизни и жизни рода, возможно лишь с позволения этого мира и требует последующего восполнения (искупления). Ибо человек (как, впрочем, и любое иное существо, включая и верховных богов) — не господин и не управитель мира, но равноответственный и равнонеобходимый его участник. И все правила его поведения в этом мире продиктованы именно этой его позицией и принципом «участного внимания», лежащим в основании мифопоэтического типа причинности.

Правила отношения к миру и друг к другу, имеющие своей безусловной основой уважение и ответственность и представляющие, таким образом, своеобразную смесь почитания и требовательности, распространяются на всех: как на людей, так и на богов, как на духов предков, так и на животных. «Правильное поведение рассматривалось как долг человека» [Дэвидсон, 1975, с. 170], но также и как долг богов, духов, животных и иных существ. В этом отношении все существа равны друг перед другом — и равно ответственны за поддержание «идеального равновесия» в мире. Ибо в мифопоэтическом мировосприятии считается непреложной истиной, что «любое серьезное отклонение от этой системы [идеального равновесия] означало бы возврат к хаосу и тем самым к катастрофе» [Дэвидсон, 1975, с. 148]. Представители мифопоэтического общества жили, таким образом, в единстве с природой, в единении с ней, в чувстве взаимной ответственности и взаимного отклика, «в гармонии и со своим народом, и со своим языком, и с окружающим миром» [Топорков, 1997, с. 94] и «посредством слова, верования и поэтического вымысла (...) стремились укоренить себя в мире, утвердить свое место среди стихий и явлений» [Топор-

⁴ Подробнее об этом см.: [Дэвидсон, 1975].

ков, 1997, с. 95]. Об этом пишет и М. Элиаде, замечая, что мир общается с архаическим человеком «с помощью звезд, растений и животных, с помощью рек и гор, времен года и суток», а «человек отвечает ему, в свою очередь, мечтами и воображением» [Элиаде, 1987, с. 145]. Отсюда, в частности, и особое значение темы воображения для Гачева, его стремление к «сопряжению Воображения с Мышлением» [Гачев, 2001; 2000], обязательность участного, а не бесстрастного отношения ученого к предмету собственного исследования.

Очевидно, городская культура вносит в бытие человека нечто настолько новое, что это требует изменения его мировосприятия и вытеснения мифа логосом, нарратива — письмом.

Город существенно меняет мироощущение человека, отделяя его от привычного «мира» и оставляя практически один на один с собственной судьбой и с собственными проблемами. Ни природа, ни общество не являются больше гарантированной опорой человеку. Их признания отныне необходимо добиваться, постепенно утверждая собственный статус и завоеывая себе место в социальной иерархии. Из равного⁵ со-чувствующего со-племенника человек постепенно превращается в завоевателя, одинокого, чужого, но само-стоятельного. «В таком повороте сюжета — эгоизм Города как Яйности человечества, и презрение к “Матушке-Природе” как великой Федоре, да дуре» [Гачев, 2000, с. 180]. Участие и причастность сменяются подозрительностью. Общество дробится на системы и подсистемы, и в новом мировосприятии происходит невероятный рост значения термина «чужой». «Чужим» может отныне оказаться каждый, ибо все они — не «я». Таким образом, смена типа мировосприятия и смена типа хозяйствования взаимно обуславливают друг друга, подтверждая тезис Гачева о неразрывной связи, лежащей в основе «жизнемысли».

С другой стороны, опыт самого Гачева в какой-то мере опровергает этот его тезис. Будучи человеком, принадлежащим по «жизни» к культуре технологически развитой и городской, по мысли он, как показывают его многочисленные тексты, «чувствовал себя земледельцем и был им» [Визгин, 2010, с. 104]. Если «жизнемысль» человека мифопоэтического общества шла от жизни (от социально-природной обусловленности) к мысли (особенностям мировосприятия), что прекрасно иллюстрирует огромное число соответствующих культурологических и социологических исследований, то «жизнемысль» Гачева двигалась как будто в обратном направлении — от мысли (представления о сущности человека как особого рода живого) к жизни, тяготению к земле, при-

⁵ Понятие «равенство» здесь применяется в связке с понятием уникальности — «равный» как равно необходимый, равно незаменимый, равно ответственный и равно не всемогущий. Подробнее см.: [Козолупенко, 2009].

родному обустройству, неприятию абстрактного мышления (которое именовал он «обстругиванием реальности» [Визгин, 2010, с. 111]).

Это возвращает нас к изначально поднятой теме оркестра, возможности в повседневном, привычном, своем вдруг «взвидеть», как откровение и озарение, нечто невиданное [Гачев, 2019, с. 22–23], благодаря столкновению с другим и узнаванию себя, невиданного, в нем. Услышать и увидеть различное не как отдельное, но как единое. Исследовать мифологическое — не как феномен примитивной культуры, а как один из способов сопряжения Воображения и Мышления, характерный для человека, а следовательно, имеющий значение для любой культуры, поскольку она человеческая. Обнаружить земледельческие корни — в мировосприятии городского человека, каковым, как и большинство из нас, являлся Гачев, ибо понятие «Природины» пусть и не сознается им и не выносится на первый план, однако подсознательно направляет и его Мышление, и его Воображение.

Список источников

Вертикаль жизни и мысли // Литературная газета. 2007, 01 января. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 12.08.2025).

Визгин В. П. Слово о Георгии Гачеве: записи вдогонку // Вестн. русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 2. С. 102–126.

Гачев Г. Д. 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). М.; СПб.: Летний сад, 2006. 479 с.

Гачев Г. Д. Вещают вещи. Мыслят образы. М.: Академический проект, 2000. 496 с.

Гачев Г. Д. Жизнь с Мыслью. М.: ДИ-ДИК-ТАНАИС; МТРК «МИР», 1995. 492 с.

Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 544 с.

Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 320 с.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007. 510 с.

Гачев Г. Д. Плюсы и минусы наивного философствования // Сборник «Философия наивности» / сост. А. С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 29–35.

Гачев Г. Д. Философия быта как бытия. М.: Фонд «Мир», 2019. 712 с.

Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 217 с.

Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3–72.

Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М.: Наука, 1975. 297 с.

Зейферт Е. Гений БЛАГОдарения, или Он ходил по небу и видел землю // Медиапортал «Караван». 2009, 18 мая. URL: <https://www.caravan.kz/news/geniij-blagodareniya-ili-on-khodil-po-nebu-i-videl-zemlyu-368560/> (дата обращения: 12.08.2025).

Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие. М.: Канон +, 2009. 430 с.

Малларме С., Рембо А., Верлен П. Стихотворения, проза. М.: Рипол Классик, 1998. 735 с.

Сараскина Л. И. О Гачеве // Портал музея-библиотеки Н. Ф. Фёдорова. URL: http://www.nffedorov.ru/w/images/d/d6/Saraskina_o_gacheve.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 455 с.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 311 с.

Mallarmé S. Oeuvres complètes. Paris: Gallimard, 1945. 1653 p.

References

“Vertikal’ zhizni i mysli” [“The Vertical of Life and Thought”] (2007) *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1 January. Available at: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (Accessed: 12.08.2025).

Vizgin, V. P. (2010) “Slovo o Georgii Gacheve: zapisi vdogonku” [“A Word about Georgy Gachev: Follow-up Notes”], *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 11(2), pp. 102–126.

Gachev, G. D. (2006) *60 dnei v myshlenii (Samozarozhdenie zhanra)* [60 Days in Thinking (The Self-birth of a Genre)]. Moscow; St. Petersburg: Letnii sad.

Gachev, G. D. (2000) *Veshchayut veshchi. Myslyat obrazy* [Things are Broadcasting. Images are Thinking]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Gachev, G. D. (1995) *Zhizn’ s Mysl’yu* [Living with a Thought]. Moscow: DI-DIK-TANAI; MTRK “MIR”.

Gachev, G. D. (2008) *Mental’nosti narodov mira* [Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm; Eksmo.

Gachev, G. D. (1992) *Nauka i natsional’nye kul’tury (gumanitarnyi kommentarii k estestvoznaniyu)* [Science and National Cultures (A Humanitarian Commentary on Natural Science)]. Rostov-na-Donu: Izdatel’sтво Rostovskogo universiteta.

Gachev, G. D. (2007) *Natsional’nyye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos* [National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Gachev, G. D. (2001) “Plyusy i minusy naivnogo filosofstvovaniya” [“The Pros and Cons of Naive Philosophizing”], in Migunov, A. S. (ed.) *Sbornik “Filosofiya naivnosti”* [Collection “The Philosophy of Naivety”]. Moscow: Izdatel’sтво MGU, pp. 29–35.

Gachev, G. D. (2019) *Filosofiya byta kak bytiya* [*The Philosophy of Everyday Life as Being*]. Moscow: Fond “Mir”.

Golosovker, Ya. E. (1987) *Logika mifa* [*The Logic of Myth*]. Moscow: Nauka Publ.

Dekart, R. (1994) “Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsya sushchestvovanie boga i razlichie mezhdru chelovecheskoi dushoi i telom” [“Reflections on the First Philosophy, which Proves the Existence of God and the Difference between the Human Soul and Body”], in Dekart, R. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [*Works: in 2 vols. Vol. 2*]. Moscow: Mysl’ Publ, pp. 3–72.

Devidson, B. (1975) *Afrikantsy. Vvedenie v istoriyu kul’tury* [*The Africans. Introduction to the History of Culture*]. Moscow: Nauka Publ.

Zeifert, E. (2009) “Genii BLAGOdareniya ili on khodil po nebu i videl zemlyu” [“The Genius of GOODgiving or did he Walk in the Sky and See the Earth”], in *Media-portal “Karavan”*, 18 may. Available at: <https://www.caravan.kz/news/genijj-blagodareniya-ili-on-khodil-po-nebu-i-videl-zemlyu-368560/> (Accessed: 12.08.2025).

Kozolupenko, D. P. (2009) *Mifopoeticheskoe mirovospriyatie* [*The Mythopoeic Apprehension of the World*]. Moscow: Kanon +.

Mallarme, S., Rembo, A. and Verlen, P. (1998) *Stikhotvoreniya, proza* [*Poems, Prose*]. Moscow: Ripol Klassik.

Saraskina, L. I. “O Gacheve” [“About Gachev”], in *Portal muzeya-biblioteki N. F. Fedorova* [*The Portal of the N. F. Fedorov Library-Museum*]. Available at: http://www.nffedorov.ru/w/images/d/d6/Saraskina_o_gacheve.pdf (Accessed: 12.08.2025).

Toporkov, A. L. (1997) *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke 19 veka* [*The Theory of Myth in Russian Philological Science of the 19th Century*]. Moscow: Indrik Publ.

Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya* [*Space and History*]. Moscow: Progress.

Mallarmé, S. (1945) *Oeuvres complètes*. Paris: Gallimard.

Информация об авторе: Дарья Павловна Козолупенко — доктор философских наук, профессор кафедры философии образования философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27-4.

Information about the author: Daria P. Kozolupenko — DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 4-27 Lomonosovsky prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.